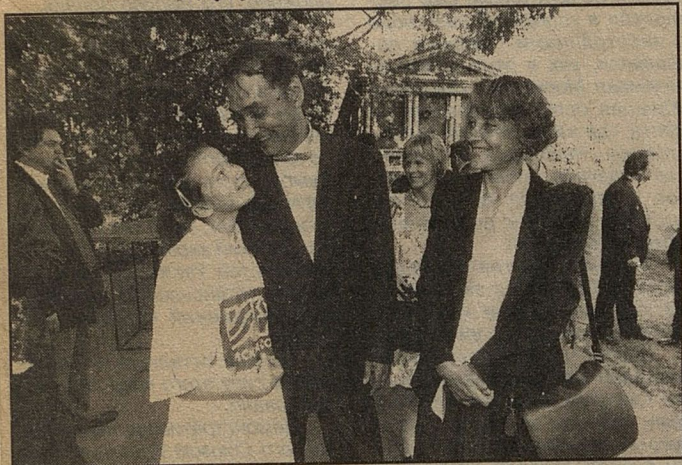

Владимир КОРЕНЕВ: После "Человека-амфибии" я ответил только на одно письмо

Вспомин. — 1997. —
30 окт. — с. 7.

Сейчас, пожалуй, не назовешь современного фильма, который по популярности мог бы сравниться с «Человеком-амфибией», вышедшим на экраны 35 лет назад. Его смотрели по многу раз, песни из фильма распевались повсюду, даже в детских садах. Исполнитель роли Ихтиандра — молодой, красивый, стройный, обаятельный (эпитеты можно продолжать до бесконечности), до той поры никому не известный Владимир Корень сразу же покорила сердца зрителей. И особенно зрительниц.

Финал фильма был печальным — Ихтиандр уходил в море, чтобы никогда уже не вернуться. Дальнейшая судьба его не известна. А Владимир Корень стал заслуженным артистом России, ведущим актером Московского драматического театра им. К. С. Станиславского. Мы беседуем с ним и с его женой — актрисой того же театра Аллой Константиновой.

— Володя, сразу после премьеры фильма вы в одночасье стали знаменитым. Рассчитывали на такой успех?

— Честно говоря, нет. Когда перед новым годом мы сдавали картину, министр культуры Фурцева, поздравив нас, сказала, что мы сделали очень хороший подарок Министерству финансов. И она оказалась права — фильм долгое время был лидером проката. Что касается популярности, то тут доходило до курьезов. В то время я играл в театре небольшую роль в спектакле «Дни Турбиных». Так вот, когда я появлялся на сцене, зрители устраивали мне бурную овацию, и возникала вполне анекдотическая ситуация.

— Это ведь была ваша первая работа в кино — как вы попали на главную роль?

— Я заканчивал театральный институт, в дипломном спектакле меня заметили и пригласили. Режиссеру, видимо, хотелось, чтобы появилось новое лицо, еще не намозолившее глаза. А вообще удивительное дело — я этот роман хорошо знал с детства. Когда мне было лет пять-шесть, к нам из Читы приехал мой дядя. Он был слепой. Его поселили в моей комнате, и я хорошо запомнил, как на ночь гасили свет, а он руками по книжке для слепых читал мне этот роман. До сих пор перед глазами эта странная картина — ночь, темно и слепой

человек читает мне роман, полный света, горячего воздуха, морского запаха, приключений. Мне очень хотелось, чтобы и у зрителя возникло это ощущение. Я ведь и родился на море — в Севастополе. Мой отец был морским офицером. Правда, плавать я неважно, скорее не плавал, а кое-как по воде передвигался. Поэтому во время подготовки к фильму нас с Настей Вертинской возили в бассейн института физкультуры и учили плавать.

— А влюбленности в Вертинскую не было?

— Насте в то время было 16 лет, она училась в девятом классе, а я уже заканчивал институт. В этом возрасте разница чувствуется. Она была еще совсем ребенок, хотя и очаровательное существо. Да и женат я уже был.

— Когда же вы успели?

А. К. — Мы с Володей знакомы с 17 лет, с первых дней в институте. На последнем курсе расписались. Когда подали заявление, нам назначили регистрацию на первое апреля. Пришлось уговаривать сотрудников загса поменять число. Мы подумали, что такой несерьезный день для такого серьезного дела не подходит. Поженились второго апреля.

— Бедные поклонники, они ни о чем даже не догадывались. Алла, а вы Володю к ним ревновали?

— В то время я вообще была очень ревнивая. Часто, подходя к институту, видела, как на скамейке сидит Володя, а вокруг него толпа девчонок. Но когда я подходила, всех их как ветром сдувало. Наверное, у меня был такой вид...

В. К. — Алла только сначала ревновала, а потом успокоилась. Поняла, что нашей семье ничего не грозит. Кстати, о поклонниках. Мне огромное количество писем присылали — десятки тысяч. Естественно, вступать в переписку я был не в состоянии, поэтому никогда не читал их и не отвечал. Все письма складывал в огромный ящик из-под холодильника «ЗИЛ» и время от времени заходил в него и утрамбовывал их ногами. Но вот с одним письмом была любопытная история. Пришел самодельный голубой конвертик, разрисованный цветочками и птичками. Я его вскрыл и читаю: «Товарищ Корень. Я знаю, что вы писем не читаете и на них не отвечаете. Но мои письма вы прочтете — их будет ровно десять. Я сфотографировалась голой, разрешила фотокарточку на десять частей и в каждом письме буду вразбивку присылать одну десятую часть снимка». По-моему, это было единственное письмо, на которое я ответил: «За изобретательность посылаю вам фотографию с автографом. Только извините, что не голый».

— Алла, вас, конечно, покорила Володина неотразимая внешность?

— Как раз нет — это меня меньше всего волновало. Когда мне сказали: «Ой! Какой мальчик поступил в институт. Все девчонки за ним бегают», мне было любопытно, но когда я увидела его, не могу сказать, что тут же растаяла. Я скептически отношусь к очень красивым, рисованным мужчинам. Гораздо важнее, чтобы мужчина был неглуп, чтобы с ним было интересно. Володя этими качествами обладает — с ним никогда не скучно.

— Выходит, он опроверг расхожее мнение, что все красавчики — пустозвон?

— Володя умный и начитанный человек...

В. К. — ...который, между прочим, до четвертого класса был совершенно безграмотным. Я учился в школе в Измаиле, там преподавание велось на двух языках — русском и украинском. Естественно, я не знал ни того, ни другого и даже путал заглавные Ч и У — забывал, куда крючок вниз идет.

— А что же педагоги?

— Там школа как бурса была — лишь бы ходили. И вдруг отца перевели в Таллин. Для меня таллинская школа была как академия. Я сидел и ничего не понимал из того, что говорили. Пришлось заняться самообразованием. В доме, где мы жили, была библиотека, и старая библиотекаря, видимо, из сострадания к моей тунгусской темноте пускала меня в запасник. Я там пере-

читал уйму книг и к окончанию школы всех догнал. С тех пор чтение для меня — любимое время препровождение.

А. К. — У нас в квартире ничего лишнего из мебели нет. Зато огромная библиотека. Сейчас, бывает, приходишь в какую-нибудь квартиру — евроремонт, хорошая мебель, все вроде в порядке. А впечатление пустоты — нет книг!

В. К. — И кажется, что это номер дорогой гостиницы.

— Что еще кроме литературы доставляет вам радость?

В. К. — Самые простые человеческие вещи — семья, дети, друзья.

А. К. — У нас масса хороших друзей, с которыми мы прошли по жизни. Мы часто встречаемся, вместе отдыхаем. Этим летом у нас на даче собралась огромная компания. Мне весь поселок говорил: «Как ты не устаешь? Постоянно в доме десять человек — это же с ума сойти можно». Не знаю — нам весело было.

В. К. — Я, знаете ли, люблю застолья, выпить люблю в хорошей компании...

— И что предпочитаете?

В. К. — Смирновскую — только отечественную. Хороший порт-

вейн — настоящий, португальский. Кагор.

— А как это с такой любовью вам удается поддерживать форму? Выглядите вы вполне подтянутым, даже спортивным.

— Никаких диет — ем все, что хочу и когда хочу.

— А как насчет гимнастики?

— Ничто так губительно не действует на меня, как гимнастика.

— Кто в вашей семье берет на себя роль лидера?

В. К. — За многолетнюю совместную жизнь мы стали, как Ильф и Петров. Почти все наши взгляды и представления сходятся, разногласий не бывает.

— Вам доводилось играть вместе в одном спектакле?

А. К. — К сожалению, только в детском спектакле «Робин Гуд». Так получилось, что с рождением дочери возникла необходимость, чтобы кто-то из нас поочередно был свободен. Очень многим пришлось пожертвовать, многие интересные роли прошли мимо. Зато дочь выросла.

— Она ведь тоже актриса. Повлияли вы на ее выбор?

В. К. — Зная все подводные камни актерской профессии, мы пы-

тались Иру как-то отвлечь. Но любовь к театру победила. После ГИТИСа она работает в нашем театре.

— Еще одна актерская династия? Внук ее продолжит?

А. К. — Может быть. Пока что он только тосты собственного сочинения выдает. Первый произнес, когда ему было два года. Поднял свой бокал и говорит: «За то, как мы сидим!»

— Володя, вам не обидно, что при упоминании фамилии Корень все сразу говорят — Ихтиандр?

— И слава Богу. Хорошо, когда у актера есть хоть один фильм, о котором знают все. Возьмите, к примеру, Бабочкина, которого все помнят по «Чапаеву». Гораздо обидней, когда актер снялся в ста фильмах и никто его толком не знает. Видели где-то, лицо знакомое — а где? Но в принципе я актер театральный, и оценивать меня надо именно с этих позиций. Из десяти спектаклей нашего театра я занят в девяти. И те аллодисменты, которыми меня сегодня награждает публика, для меня самое дорогое.

Встречался
Андрей ДМИТРИЕВ.

ФОТО ИТАР-ТАСС.

Таким запомнили Ихтиандра кинозрители 60-х.